Челябинский гуманитарий. 2025. № 1 (70). С. 84–89.
ISSN 1999-5407 (print).
Chelyabinskij Gumanitarij. 2025; 1 (70), 84–89.
ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья
УДК 82-192
DOI 10.47475/1999-5407-2025-70-1-84-89

ФОРМУЛА «ВИШНЁВЫЙ САД» В СТИХОТВОРЕНИИ РОМАНА ТЯГУНОВА «НИКТО НИ В ЧЁМ НЕ ВИНОВАТ…»: О КУЛЬТУРНЫХ КЛИШЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНТЕКСТАХ

Юрий Викторович Доманский
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
domanskii@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-7630-2270

Аннотация. В статье рассматривается восходящая к последней пьесе Чехова заглавная формула «вишнёвый сад» в стихотворении Романа Тягунова «Никто ни в чём не виноват…». Как и многие формулы такого рода, формулы, взятые из названий классических литературных текстов, данная формула во многом утратила смысловую связь с текстом-источником – чеховской комедией – но стала в последующей культуре самостоятельным формульным текстом, культурным клише со своими смыслами, которые зачастую зависят от тех контекстов, куда классическая формула попадает. В стихотворении Тягунова формула «вишнёвый сад» связана с взаимодействием субъекта (который, учитывая то, что рассматриваемое стихотворение входит в цикл «Поэзия суицида. Прощальные стихи», может быть обозначен как субъект ролевой) и адресата. Грамматические формы экспликации их позволяют заключить, что субъект – мужчина, а адресат – женщина; и их взаимоотношения строятся на том, что подаренный адресатом вишнёвый сад субъект уничтожает; либо адресат дарит новый вишнёвый сад субъекту взамен вырубленного. Но в любом случае напрашивается вывод об особой роли вишнёвого сада в структурировании субъектно-адресных отношений; рассматриваемая формула выступает в стихотворении в роли мотива, формирующего лирический сюжет, который, как известно, строится на взаимодействии хронотопа и субъектной структуры. В культуре формула «вишнёвый сад» является номинацией места, связанного с навсегда ушедшим счастливым прошлым, то есть выступает мотивом строго хронотопическим. В стихотворении же Тягунова, реализуясь в отношениях субъекта и адресата, данное культурное клише формирует художественную трансляцию авторской эмоции, в основе которой прощание с жизнью по собственной воле.

***Ключевые слова*:** русская поэзия, культурные клише, художественные контексты, Антон Чехов, Роман Тягунов.

Для цитирования: Доманский Ю. В. Формула «вишнёвый сад» в стихотворении Романа Тягунова «Никто ни в чём не виноват…»: о культурных клише в художественных контекстах // Челябинский гуманитарий. 2025. № 1 (70). С. 84–89. doi: 10.47475/1999-5407-2025-70-1-84-89

Original article

THE FORMULA “THE CHERRY ORCHARD” IN ROMAN TYAGUNOV’S POEM “NOBODY IS GUILTY OF ANYTHING...”: ON CULTURAL CLICHES IN ARTISTIC CONTEXTS

Yuri V. Domanskii
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
domanskii@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-7630-2270

Abstract. The article examines the title formula “the cherry orchard” in Roman Tyagunov’s poem “Nobody is guilty of anything…”, which goes back to Chekhov’s last play. Like many formulas of this kind, formulas taken from the titles of classical literary texts, this formula has largely lost its semantic connection with the source text – Chekhov’s comedy – but has become an independent formulaic text in subsequent culture, a cultural cliché with its own meanings, which often depend on the contexts where the classical formula falls. In Tyagunov’s poem, the formula “the cherry orchard” is associated with the interaction of the subject (who, given that the poem in question is part of the cycle “Poetry of Suicide. Farewell Verses”, can be designated as a role-playing subject) and the addressee. The grammatical forms of their explication allow us to conclude that the subject is a man and the addressee is a woman; and their relationship is based on the fact that the cherry orchard donated by the addressee is destroyed by the subject; or the addressee gives a new cherry orchard to the subject in exchange for the cut down one. But in any case, the conclusion suggests itself about the special role of the cherry orchard in structuring subject-address relations; the formula under consideration acts in the poem as a motive that

forms the lyrical plot, which, as is known, is built on the interaction of the chorotope and the subject structure. In culture, the formula “cherry orchard” is a nomination of a place associated with a happy past that is gone forever, that is, it acts as a strictly chronotopic motive. In Tyagunov’s poem, this cultural cliché, being realized in the relations between the subject and the addressee, forms the artistic transmission of the author’s emotion, which is based on saying goodbye to life of one’s own free will.

Key words: Russian poetry, cultural cliches, artistic contexts, Anton Chekhov, Roman Tyagunov

For citation: Domanskii Y. V. (2025) The formula “cherry orchard” in the poem by Roman Tyagunov “Nobody is guilty of anything...”: about cultural cliches in artistic contexts. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 1 (70), 84–89. doi: 10.47475/1999-5407-2025-70-1-84-89

О поэтике лирики Романа Тягунова (1962–2000) исследователи пока что пишут не очень часто; среди наиболее интересных обращений назовём проведённый О. В. Зыряновым глубокий анализ жанровой интертекстуальности стихотворения «сонет умрет от сифилиса мозга…» (Зырянов 2006: 70–73), рассмотрение А. Ю. Носковой роли города в создании лирического «я» поэта в стихотворении «Библиотека имени меня…» (Носкова 2017: 201) и целиком посвящённую тягуновской поэзии большую работу Г. Цеплакова (Цеплаков 2017). Мы позволим себе в данной статье прокомментировать один довольно-таки частный момент, связанный с включением в стихотворение Романа Тягунова «Никто ни в чём не виноват…» культурного клише «вишнёвый сад».

Стихотворение, заинтересовавшее нас, вошло в цикл «Поэзия суицида. Прощальные стихи». Все стихи в этом цикле написаны Тягуновым, полная публикация – в журнале «Несовременные записки», № 3, 1996. В прозаическом вступлении, подписанном Олегом Щербаковым и Романом Тягуновым, говорится:

> «До свидания, друг мой, до свидания…» – это стихотворение, написанное Сергеем Есениным перед самоубийством, известно почти каждому, кто говорит на русском языке или интересуется «загадочной русской душой». Мы предлагаем читателю «НЗ» небольшую подборку из готовящейся к изданию книги «прощальные стихи самоубийц», собранную за несколько лет изучения архивов психиатрических больниц.
> Из соображений чувства такта мы опускаем имена и фамилии, возраст и пол, а также способ самоуничтожения: сравнительный анализ этих данных – удел психиатра. Нам же интересно и важно – что сказал человек перед последней чертой, что он завещал всем нам, прикоснувшимся к страшной загадке Жизни и Смерти.
> Дай Бог, чтобы прочитавший эти строки задумался и, опомнившись, не брал греха на душу[1].

В «Поэзии суицида» двенадцать стихотворений, пять из которых состоят из одного четверостишия, но есть и довольно крупные – самое большое включает в себя 23 стиха. Стихотворение, на которое мы обратили внимание, находится по порядку на десятой позиции и состоит из восьми стихов (два четверостишия с перекрёстной рифмовкой), нечётные стихи – четырёхстопный ямб, чётные – трёхстопный, все клаузулы мужские.

> Никто ни в чём не виноват,
> Не виноват ни в чём.
> Я вырубил вишнёвый сад,
> Что за твоим плечом.
>
> И жизнь-краса и смерть-коса
> Горят в моём окне:
> Вишнёвый сад, вишнёвый сад
> Ты подарила мне…[2]

Нас интересует, как в контексте этого стихотворения и в контексте заявленной во вступлении интенциональной концепции цикла функционирует культурное клише (или, если угодно, формула) «вишнёвый сад». Данное клише изначально отсылает, разумеется, к последней пьесе А. П. Чехова[3]; хотя следует оговорить, что не столько к тексту всей пьесы, сколько к её заглавию как отдельному тексту. Дело в том, что заглавия хрестоматийной классики в последующей культуре зачастую теряют связь с теми текстами, которые они изначально номинируют, и становятся самостоятельными формулами-текстами со своими смыслами. Названия текстов (даже тех, что остались не прочитаны) врезаются в память, формируя

[1] Азбука имени: Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях, критике. С приложением неизвестных и ранее не публиковавшихся текстов / ред.-сост. Надежда Колтышева. Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 238 с. С. 224.

[2] Там же. С. 234.

[3] Чеховскому «Вишнёвому саду» исследователи уделяли всегда очень много внимания: так, уже в нашем веке вышло в свет несколько специальных коллективных изданий, посвящённых пьесе (Звук лопнувшей струны 2016; Последняя пьеса Чехова 2015; Чеховиана 2005), укажем и некоторые статьи самого недавнего времени (Абрамова 2024; Воронина 2023; Гапоненко 2023; Гончарова 2021; Доманский 2023; Доманский 2024; Лученецкая-Бурдина 2020; Проваторова 2022; Смоленская 2020; Собенников 2022).

какие-то особые смыслы, часто далёкие от смыслов самих текстов-источников; но именно смыслы новые входят в культуру вместе с несущими их формулами, которые становятся зачастую культурными клише, и уже они, эти клише, попадают в новые для себя контексты, где могут обретать какие-либо новые смыслы. Формула «вишнёвый сад» в ряду таких заглавных формул, ставших самостоятельными текстами и смело обретаемых последующей культурой, отнюдь не исключение. И в культуре прошлого века за данной формулой закрепилось в какой-то степени спровоцированное чеховской пьесой, но по большей части, если можно так сказать, приобретённое впоследствии значение благостного места, своего рода утопии, однако утопии не из будущего, а из прошлого; места, связанного с добрыми воспоминаниями о юности, о любви, места из того времени, когда всё было хорошо, места ностальгического, но теперь уже утраченного; то есть вернуться в вишнёвый сад невозможно, как невозможно вернуться в счастливое прошлое. Посмотрим, что происходит с клише «вишнёвый сад» в контексте стихотворения Романа Тягунова.

Прежде всего, обратим внимание на специфику субъекта в «Никто ни в чём не виноват…». По поводу тягуновского лирического героя Георгий Цеплаков отмечает: «С самого начала герой Тягунова не склонен пассивно наблюдать, но готов к решительным действиям… Его стратегия – наступательная» (Цеплаков 2017: 136); и далее: «…в его стихах… – яростная борьба за смысл, за слова, за поэзию, за созидание» (Цеплаков 2017: 161). Как представляется, обе мысли исследователя соотносятся и с субъектом рассматриваемого нами стихотворения, который как раз и характеризуется событийной активностью, что прямо декларируется в первом из двух четверостиший: «Я вырубил вишнёвый сад». Правда, тут не созидание, а уничтожение, однако и уничтожение, если следовать тексту-источнику – комедии Чехова, – является созиданием, ведь Лопахин вырубает сад, формируя пространство для будущих дач. Но даже если отвлечься от пьесы, а сосредоточиться только на указанной выше семантике её заглавной формулы, то «активность» лирического субъекта стихотворения Тягунова тоже может быть оценена как созидательная в той степени, в какой может быть созидательным для будущего уничтожение прошлого. Правда, в контексте цикла, учитывая прозаическую преамбулу к нему, уничтожение сада субъектом не столько акт для грядущего, сколько акт прощания с земным бытием, полного разрыва с оным, разрыва, реализованного как раз действием вырубки вишнёвого сада.

И вот тут нельзя не обратить внимание на экспликацию адресата в стихотворении Тягунова, ибо эта экспликация возникает впервые именно в связи с действием субъекта по вырубке вишнёвого сада; потом же – во второй строфе, в самом финале – экспликация адресата оказывается связана уже с констатацией субъектом действия со стороны адресата: «Ты подарила». Как видим, грамматическая экспликация указывает на женский род адресата, тогда как субъект представлен в мужском роде («Я вырубил»). И «вишнёвый сад» оказывается своего рода связующим звеном между субъектом и адресатом: в первой строфе констатируется: «Я вырубил вишнёвый сад, // Что за твоим плечом»; из второй же становится ясно, что вишнёвый сад подарен адресатом субъекту («Вишнёвый сад, вишнёвый сад // Ты подарила мне…»). Другое дело, что остаётся неясным, когда именно случилось фабульное событие дарения вишнёвого сада адресатом субъекту – до его вырубки субъектом или же (пусть это не покажется странным и нелогичным) – после.

В этой связи отметим наличие многоточия в финале стихотворения Тягунова. В «Средневековом городе» (1993) Константина Арбенина поётся:

> И вечность дальше потечёт,
> А многоточие не в счёт,
> На что ей сдался пустячок
> В конце абзаца![4]

Как мы понимаем, лексическая редукция многоточия в арбенинском случае является способом актуализации (подобно тому, как вырубка вишнёвого сада у Тягунова является созидательным актом); но даже если и признать, что для вечности многоточие и «не в счёт», то для тягуновского текста оно носит концептуальный характер выхода в грядущее, надежды на продолжение. Тогда-то возможна та трактовка второго четверостишия, согласно которой событие дарения вишнёвого сада случилось уже после того, как субъект его уничтожил, то есть трактовка не ретроспективная, не та, согласно которой констатируется событие из прошлого, когда «ты» подарила «мне» вишнёвый сад, который «я» впоследствии вырубил, как следует из первой строфы, а трактовка следующая: «Ты подарила мне» новый вишнёвый сад взамен вырубленного; то же, что я буду делать с ним дальше, скрыто за многоточием – «пустячком в конце абзаца»; скрыты тем самым и отношения дальнейшие между субъектом и адресатом. Но при этом было бы неверным отказаться и от более напрашивающейся трактовки: сад был подарен ранее. То есть событийный ряд стихотворения Тягунова может быть прочитан и как нарушение фабулы в сюжете (событие второй строфы было до события первой), и как совпадение фабулы и сюжета (событие второй строфы следует

[4] Арбенин К. Ю. Стихи песен: Собрание песенных текстов. Санкт-Петербург: «Зимовье Зверей», 2020. 480 с. С. 59.

хронологически за событием первой). Впрочем, лирический сюжет тут не в этих событиях (вырубка вишнёвого сада и подарок вишнёвого сада), а в эмоции, с этими событиями связанной; в большей степени эта эмоция воплощена в первых двух стихах каждой из строф.

Двустишие, открывающее первую строфу («Никто ни в чём не виноват, // Не виноват ни в чём») выглядит одновременно и как ответ на один из извечных русских вопросов (вспомним Герцена), и как перифраз клише предсмертной записки (из разряда «В моей смерти прошу никого не винить»). Тут в очередной раз стоит напомнить о прозвучавшем в предисловии к циклу, куда входит стихотворение «Никто ни в чём не виноват…», авторском замечании; напомним, все стихи, составившие контекст, якобы написаны самоубийцами перед тем, как они решили проститься с жизнью. «Идея» эта свёрнуто воплощена и в заглавии всего цикла – «Поэзия суицида. Прощальные стихи». Субъект в таком случае может быть понят как ролевой. В этой связи и многоточие в финале стихотворения обретает несколько иную семантику, нежели означенная выше, – продолжение если и будет, то уже, мягко говоря, не здесь. С учётом же понимания субъекта как ролевого (будущий относительно написания текста самоубийца, оставляющий стихотворение, в котором просит никого не винить) дополнительные смыслы обретает и формула «вишнёвый сад», и связанные с ней события: вырубка вишнёвого сада тогда – знак расставания с жизнью; подарок же вишнёвого сада в грядущем (если принять версию о том, что фабула и сюжет совпадают) может означать обретение его там, за переделами земной жизни; вишнёвый сад в этом мире «мною» вырублен, «меня» тут больше ничего не держит, но там, куда «я» иду по собственной воле, «меня» ждёт новый вишнёвый сад. Иная трактовка будет тогда, когда будет принята версия о нарушении фабулы в сюжете; в этом случае вишнёвый сад будет один и тот же, а значит, уничтожение «мной» некогда подаренного «тобой» сада станет для «меня» единственно знаком ухода, будущее же (не забудем о многоточии) станет чем-то другим, но только уже не садом. К такой трактовке приближает, в частности, и то указание, что сопровождает вишнёвый сад в первой строфе, указание на его местонахождение – «за твоим плечом». Очевидно, что тут речь идёт о том же самом адресате, который присутствует и во второй строфе, а это позволяет сделать вывод об особой роли вишнёвого сада в структурировании субъектно-адресных отношений. Интересующая нас формула, таким образом, выступает в стихотворении в роли мотива, формирующего лирическое событие и, соответственно, лирический сюжет, понимаемый как «развертывание рефлексии лирического “я”, направленное к преодолению внутренних границ мира и сознания героя актом его самосознания» (Малкина 2008: 115). А поскольку для характеристики лирического сюжета «необходимо учитывать взаимосвязь хронотопа и ситуации с субъектной структурой» (Малкина 2008: 115), следовательно, и в стихотворении Тягунова лирический сюжет формируется взаимодействием субъектно-адресных отношений с мотивом вишнёвого сада, который по самой семантике своей является строго хронотопическим: будучи номинацией места, соотносится со временем – навсегда ушедшим счастливым прошлым. Таким образом, культурное клише «вишнёвый сад» в контексте стихотворения «Никто ни в чём не виноват…» является сюжетообразующим элементом, формирующим художественную трансляцию авторской эмоции.

И, пожалуй, единственное, что мы ещё в состоянии как-то затронуть в проекции на формулу «вишнёвый сад», это два стиха, открывающие вторую строфу: «И жизнь-краса и смерть-коса // Горят в моём окне». Завершаясь двоеточием, эта фраза явно влечёт за собой собственно финал, где говорится о событии дарения вишнёвого сада адресатом субъекту с экспликацией местоимениями их обоих. В самих же этих двух начальных стихах второго четверостишия тоже эксплицируется субъект, и экспликация эта происходит в связи с пространственной деталью, семантически сочетающей в себе границу и соединение («в моём окне»). И там, в этом окне, которое, учитывая его субъектную принадлежность, можно рассматривать и как метафору перспективы грядущего пути, вместе даны два состояния: жизнь и смерть. Важно то, каким образом преподнесены они – через по сути своей окказиональные, но в основе своей клишированные формулы: жизнь-краса и смерть-коса. И обе они могут быть спроецированы на семантику формулы «вишнёвый сад» в культуре и в стихотворении Тягунова: некогда красивый и живой сад уничтожается, вырубкой обрекается на смерть. Глагол «горят», проецируемый в тягуновском тексте и на жизнь-красу, и на смерть-косу, одновременно, во-первых, утверждает временную точку, в которой жизнь и смерть сходятся, и где смерть-коса неизбежно побеждает жизнь-красу, но, во-вторых, обозначает момент уничтожения и того, и другого – и жизни, и смерти. Между тем глагол «горят» может быть прочитан и в ином значении – не «сгорают», а «святятся»; в таком случае точка зрения субъекта а происходящее «в моём окне» будет несколько иной: жизнь-краса и смерть-коса тогда в единстве своём могут быть рассмотрены как своего рода путеводная звезда для субъекта, итог пути. И вновь вишнёвый сад как нельзя лучше помогает своей семантической памятью воплотить эмоцию субъекта, для которого жизнь-смерть реализуется в единстве красы и косы – прекрасного места, неизбежно и навсегда уничтоженного здесь, но ожидаемо возрождённого где-то там, где уже нет ни жизни, ни смерти. Всё это отнюдь не противоречит смысловой наполненности остальных сегментов стихотворения Романа Тягунова «Никто ни в чём не виноват…»

Общий же вывод предложим следующий: клише, обладающее определёнными значениями в культуре,

при попадании в виде формулы в художественный контекст, актуализируя эти значения и обретая новые смысловые оттенки, способствует трансляции через субъекта авторской эмоции, тем самым формируя, если речь идёт о лирике, лирический сюжет; в данном случае – сюжет переживания расставания с жизнью, понимаемого и как полное уничтожение, и в то же время как перспектива на возрождение.

Список источников

Абрамова Е. Д. Фигура студента в творчестве А. П. Чехова на примере Петра Трофимова в пьесе «Вишнёвый сад» // Международный научный журнал «Вестник науки». № 9 (78), Том 4. СЕНТЯБРЬ 2024 г. С. 289–294.

Воронина Ю. В. Взаимодействие иллюзии и реальности в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 2(50). С. 168–175.

Гапоненко К. Р. Суффиксы субъективной оценки в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад» // Евразийский научный журнал. 2023. № 3. С. 26–28.

Гончарова Н. Н. Образ прохожего в «Вишнёвом саде» А. П Чехова: литературный, житийный и библейский аспекты // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2021. Т. 18, № 4. С. 11–17.

Доманский Ю. В. Внутренние связи в творчестве Чехова: от текстов к контексту («Невеста» и «Вишневый сад») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 63–74.

Доманский Ю. В. Отзвук лопнувшей струны из чеховского «Вишнёвого сада» в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» Владимира Высоцкого // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 5–12.

«Звук лопнувшей струны»: Перечитывая «Вишневый сад» А. П. Чехова. Симферополь: ДОЛЯ, 2006. 135 с.

Зырянов О. В. Категория авторства и жанрово-модальные характеристики художественной целостности // Литературоведческий сборник. Вып. 25. Проблема автора: онтология, типология, диалог. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 60–75.

Лученецкая-Бурдина И. Ю., Полтевская К. Е. «Вишнёвый сад» А. П. Чехова и «Искупление» И. Н. Потапенко: художественные взаимосвязи и сюжетные соответствия // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 153–158.

Малкина В. Я. Лирический сюжет // Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / (гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко). Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008 С. 114–115.

Носкова А. Ю. Характер освоения городского пространства в современной поэзии Екатеринбурга // LITTERA TERRA. Материалы VI Международной конференции молодых ученых. Вып. 12. Главный редактор И. А. Семухина. 2017. С. 198–204.

Последняя пьеса Чехова в искусстве XX-XXI веков: Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (гл. ред.) [и др.]. Москва: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2015. «Бахрушинская серия». 240 стр., ил.

Проваторова О. Н., Мавродий С. А. Специфика создания женских образов в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад» // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 490–492.

Смоленская А. И. Действенная сценография в постановках пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» (вторая половина XX – начало XXI в.) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 216–226.

Собенников А. С. Время как «присутствие» в комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 129–139.

Цеплаков Г. Обращение назад: пограничная ситуация Романа Тягунова // Азбука имени: Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях, критике. С приложением неизвестных и ранее не публиковавшихся текстов / ред.-сост. Надежда Колтышева. Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 238 с. С. 133–199.

Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». Москва: Наука, 2005. 593, [1] с.

References

Abramova, E. D. (2024). Figura studenta v tvorchestve A. P. Chekhova na primere Petra Trofimova v p'yese «Vishnovyy Sad» [The figure of a student in the works of A. P. Chekhov on the example of Pyotr Trofimov in the play "The Cherry Orchard"]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Vestnik nauki»*. No. 9 (78), Volume 4. 289–294. (In Russ.).

Chekhov's Last Play (2015). *Poslednyaya p'yesa Chekhova v iskusstve XX-XXI vekov: Kollektivnaya monografiya*. [Chekhov's Last Play in the Art of the 20th–21st Centuries: Collective Monograph / editorial board: V. V. Gulchenko (editor-in-chief) [and others].]. Moscow : State Central Theatre Museum named after A. A. Bakhrushin. 2015. "Bakhrushin Series". 240 pp., ill. (In Russ.).

Chekhoviana (2005). *Chekhoviana. «Zvuk lopnuvshey struny»: k 100-letiyu p'yesy «Vishnevyy sad»* [Chekhoviana. "The Sound of a Broken String": on the 100th Anniversary of the Play "The Cherry Orchard"]. Moscow : Nauka. 2005. 593, [1] p. (In Russ.).

Domansky, Yu. V. (2023). Vnutrenniye svyazi v tvorchestve Chekhova: ot tekstov k kontekstu («Nevesta» i «Vishnevyy sad») [Internal Connections in Chekhov's Works: From Texts to Context ("The Bride" and "The Cherry Orchard")]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya».* No. 5. 63–74. (In Russ.).

Domansky, Yu. V. (2024). Otzvuk lopnuvshey struny iz chekhovskogo «Vishnovogo sada» v «Skazke o neschastnykh skazochnykh personazhakh» Vladimira Vysotskogo [The Echo of a Broken String from Chekhov's "The Cherry Orchard" in Vladimir Vysotsky's "The Tale of the Unfortunate Fairy-Tale Characters"]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki.* Issue. 2. 5–12. (In Russ.).

Gaponenko, K. R. (2023). Suffiksy sub”yektivnoy otsenki v p’yese A. P. Chekhova «Vishnovyy sad» [Suffixes of subjective assessment in A. P. Chekhov’s play “The Cherry Orchard”]. *Yevraziyskiy nauchnyy zhurnal.* No. 3. 26–28. (In Russ.).

Goncharova, N. N. (2021). Obraz prokhozhego v «Vishnovom sade» A. P Chekhova: literaturnyy, zhitiynyy i bibleyskiy aspekty [The Image of a Passer-by in A. P. Chekhov’s “The Cherry Orchard”: Literary, Hagiographic, and Biblical Aspects]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika».* Vol. 18, No. 4. 11–17. (In Russ.).

Luchenetskaya-Burdina, I. Yu., Poltevskaya K. E. (2020). «Vishnovyy sad» A. P. Chekhova i «Iskupleniye» I. N. Potapenko: khudozhestvennyye vzaimosvyazi i syuzhetnyye sootvetstviya [“The Cherry Orchard” by A. P. Chekhov and “Atonement” by I. N. Potapenko: Artistic Interconnections and Plot Correspondences]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* Vol. 26, No. 3. 153–158. (In Russ.).

Malkina, V. Y. (2008) Liricheskiy syuzhet [Lyrical plot]. *Poetika: slov, aktual. terminov i ponyatiy*. 114–115. (In Russ.).

Noskova A. Yu. (2017). Kharakter osvoyeniya gorodskogo prostranstva v sovremennoy poezii Yekaterinburga [The nature of the development of urban space in contemporary poetry of Yekaterinburg]. *LITTERA TERRA. Materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh.* Vyp. 12. 198–204. (In Russ.).

Provatorova, O. N., Mavrodiy S. A. (2022). Spetsifika sozdaniya zhenskikh obrazov v p’yese A. P. Chekhova «Vishnovyy sad» [Specifics of Creating Female Images in A. P. Chekhov’s Play “The Cherry Orchard”]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya.* No. 2 (93). 490–492. (In Russ.).

Smolenskaya, A. I. (2020). Deystvennaya stsenografiya v postanovkakh p’yesy A. P. Chekhova «Vishnovyy sad» (vtoraya polovina KHKH – nachalo XXI v.) [Effective Scenography in Productions of A. P. Chekhov’s Play “The Cherry Orchard” (Second Half of the 20th – Early 21st Century)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik.* No. 2 (113). 216–226. (In Russ.).

Sobennikov, A. S. (2022). Vremya kak «prisutstviye» v komedii A. P. Chekhova «Vishnovyy sad» [Time as a “Presence” in A. P. Chekhov’s Comedy “The Cherry Orchard”]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. No. 4. 129–139. (In Russ.).

The Sound of a Broken String (2006). *«Zvuk lopnuvshey struny»: Perechityvaya «Vishnevyy sad» A. P. Chekhova* [“The Sound of a Broken String”: Rereading A. P. Chekhov’s “The Cherry Orchard”]. Simferopol : DOLYA. 2006. 135 p. (In Russ.).

Tseplakov, G. (2017). Obrashcheniye nazad: pogranichnaya situatsiya Romana Tyagunova [Turning Back: Roman Tyagunov’s Border Situation]. *Azbuka imeni: Roman Tyagunov v vospominaniyakh, interv’yu, mneniyakh, kritike. S prilozheniyem neizvestnykh i raneye ne publikovavshikhsya tekstov*. 173–199. (In Russ.).

Voronina, Yu. V. (2023). Vzaimodeystviye illyuzii i real’nosti v p’yese A. P. Chekhova «Vishnovyy sad» [Interaction of illusion and reality in A. P. Chekhov’s play “The Cherry Orchard”]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye».* No. 2 (50). 168–175. (In Russ.).

Zyryanov, O. V. (2006). Kategoriya avtorstva i zhanrovo-modal’nyye kharakteristiki khudozhestvennoy tselostnosti [The category of authorship and genre-modal characteristics of artistic integrity]. *Literaturovedcheskiy sbornik. Vyp. 25. Problema avtora: ontologiya, tipologiya, dialog.* 60–75. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. В. Доманский – доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Information about the author

Y. V. Domanski – Doctor of Philology, Professor of the Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025;
принята к публикации 23.01.2025.
The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025;
accepted for publication 23.01.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.